

Геннадий Литвинцев

НЕРОВНОЕ ДЫХАНИЕ

Статьи и расследования

Геннадий Литвинцев
Неровное дыхание.
Статьи и расследования

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975728
ISBN 9785448311970*

Аннотация

«Неровное дыхание» – книга публицистики, статей, расследований и очерков последних лет, опубликованных в журналах или газетах, отечественных или зарубежных. Вызвав в свое время волну откликов и дискуссий, они и сейчас не потеряли своей актуальности благодаря острому взгляду, равнодушному сердцу, «взволнованному дыханию» автора.

Содержание

Поводы и доводы	5
Задушевная цензура рынка	5
Стали ли мы жить не по лжи?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Неровное дыхание

Статьи и расследования

Геннадий Михайлович

Литвинцев

© Геннадий Михайлович Литвинцев, 2016

ISBN 978-5-4483-1197-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поводы и доводы

Задушевная цензура рынка Власть денег над культурой формирует из личности агрессивный желудок, из хора толпу

Размышляя о причинах забвения на многие сотни лет «Слова о полку Игореве», жемчужины древнерусского поэтического искусства, писатель и философ Василий Розанов восклицал: «Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, произошло хуже: оно всем стало не нужно, не интересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много, но его не списывали. „Не интересно! Не влечёт!“. Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России... Вот это забвение! Вот это искоренение! Вот это цензура, своеохотная, с порывом к ней самих цензурируемых, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура». (Розанов В. Около церковных стен. СПб., 1906, т. 1).

Привычно понимать цензуру, как запрет или ограничение со стороны власти. А если человек сам, без стороннего по-
нуждения, отказывается приобрести и прочитать какую-ли-
бо книгу, кидает её прочь со словами «не интересно, не вле-
чёт», то кто же тут выступает цензором? Ну, расхотели люди
древней Руси читать «Слово» – и что тут поделаешь? Ста-
нет Пушкин «не нужным, не интересным» – перестанут и его
печатать и продавать. Так что «своеохотная, душевная цен-
зура» может быть куда злее и беспощаднее государственной,
она и без видимого внешнего вмешательства способна при-
вести к оскудению духовного мира людей.

«...В роли властной инстанции выступает теперь не госу-
дарство, а рынок, – пишет в „Литературной газете“ извест-
ный деятель ельцинской поры Сергей Филатов. – И мы сви-
детели того, как жизнь, а точнее условия жизни, заставили
многих литераторов, филологов быстро переквалифициро-
ваться в поставщиков коммерчески успешных фэнтези, де-
тективов, а то и порнографических сочинений».

Хорошо, пусть рынку свойственно действовать по зако-
ну удовлетворения платежеспособного спроса, других зако-
нов он не признает. Но и нам позволительно спросить: от-
чего спрос-то у нас возник именно такой – преимуществен-
но на порно и примитив – а не на что-либо более достойное
развитого человека? Кто формирует данный спрос и в каких
целях? Для того, чтобы в обществе утвердилась культура се-
рьёзного чтения, чтобы вместо прежних фэнтези и детекти-

вов «мужик Белинского и Гоголя с базара понёс», потребовалась целая эпоха, десятки лет целенаправленных усилий. Вспомним, как мгновенно сметались с прилавков гигантские по нынешним временам выпуски русской и зарубежной классики, исторических и философских сочинений, какими были тиражи научно-популярных изданий и «толстых» литературных журналов. В обществе существовала мода на добротную литературу. Ныне же вновь «тёмные века»: по данным Центра Юрия Левады, 47 процентов взрослого населения России совсем не читают книг, а 55 процентов никогда их не покупают. Только ли интернет тому причиной?

Общераспространенную ещё два десятилетия назад тягу к чтению некоторые склонны объяснять тем, что существовавшая тогда система не давала, мол, людям свободы экономической и социальной деятельности, оставляла из всех форм досуга только книжки да познавательные телепередачи. Доля правды в этом утверждении есть. Но главное, пожалуй, в другом: люди тогда не разрывались между двумя-тремя работами, не дрожали за свое будущее перед работодателями, а молодежь не колотили по головам по всем каналам примитивной попсой, не заманивали в угар ночных заведений, не совали под нос завернутую в красивые обложки порнографию. Человек, который лихорадочно подсчитывает, в каком магазине купить продукты дешевле, где и на сколько его обманули, как лучше сэкономить на самом необходимом для физического выживания, является неваж-

ным читателем. Счёт съедает его время, ум и энергию, и самое большее, на что он остается способен – заглянуть в дешёвую книжицу, не требующую от него особых знаний и развитого художественного вкуса, заглянуть не для того, чтобы думать, а чтобы отвлечься от дум, от уродующей его жизнь действительности. До углублённого ли чтения человеку, если его со всех сторон подстерегают опасности, гнетёт несправедливость, отупляет беснование жирующих? Он нуждается в литературных, театральных, эстрадных произведениях-антидепрессантах с наркотическим, отвлекающим эффектом.

В советские времена к культуре относились предельно серьезно, писатели назывались «инженерами человеческих душ» и пользовались всеобщим вниманием. О да, слышу голоса, пользовались, конечно, пользовались, в том числе и вниманием «компетентных органов». Но вот что интересно: сейчас творцы культуры говорят о случавшихся с ними прецедентах как правило с большой гордостью: это ли не признание значимости их творчества! Издатель и редактор зарубежного антисоветского журнала «Синтаксис» Мария Розанова, вспоминая своего мужа писателя Андрея Синявского (псевдоним – Абрам Терц), семь лет отсидевшего за диссидентскую деятельность, выразилась на первый взгляд парадоксальным образом: «Абрам Терц жил в счастливое время. Он жил, когда слово что-то стоило, за слово сажали. И это было большое благо. Это значило, что правители хотели выглядеть лучше, и чтобы их любили, а если чье-то

диссидентское слово их небесный облик или деяния подвергало сомнению – им от этого было больно. А сегодняшним правителям чего-то там в глаза, а они все про божью росу. Слово девальвировалось. Но зачем вам свобода слова, если оно ничего не стоит?». (И для чего цензура, добавил бы я, если люди перестают читать?)

Разумеется, никому не пожелаешь тюремного заключения даже ради ревальвации слова. Речь о том, что запреты, преследования и репрессии не так опасны для человеческого духа, для творчества, как подмена свободы наплевательским равнодушием, индивидуальности – обезличиванием, культуры – нивелирующей массовой.

Шлюзы для низкопробной масс-культуры в нашей стране были открыты, стоит напомнить, одновременно с импортным потоком убийственно-дешёвого спирта «Роял». И то, и другое являлось, по-видимому, необходимым условием успешного проведения приватизации, кланового присвоения национальных богатств, создания олигархического строя. Новые хозяева жизни прекрасно понимали: с помутненным разумом, расслабленной волей, отравленной душой человек не только не в силах протестовать против совершаемой несправедливости, но не способен даже и осознавать происходящее. Процесс передачи национальной собственности частным лицам, сосредоточения ее в руках тонкого слоя избранных, понятно, не мог ограничиться областью

экономики, финансов, материального производства и обращения. Напрасно нас пытались уверить, что приватизирована, превращена в рынок будет только материальная сфера, духовная же сторона жизни после отмены партийно-идеологического контроля станет по-настоящему свободной, не зависимой, плюралистичной. Это, как наиболее прозорливые умы и предсказывали, оказалось заведомой ложью. Присвоив активы банков и предприятий, олигархия тут же постаралась взять под контроль прессу, театры, кинематографию, поставить себе на службу писателей, художников, композиторов, весь творческий и мыслящий мир. Вкусы народившейся рыночно-криминальной буржуазии стали диктовать моду в культуре.

Свойство подлинно-художественного слова прояснять суть происходящего для неправедно разбогатевшей верхушки общества просто опасно. Вот и разгадка того, почему в современной либеральной критике, в решениях разных конкурсных жюри, словно в насмешку, посредственное объявляется хорошим, отвратное – лучшим, а всё высшее и честное осмеивается и изгоняется. Нельзя признать случайностью, что на телевидении и радио – а они в большей мере определяют ныне духовный мир человека – первоочередным порядком была проведена жесткая зачистка от таких рудиментов прежней эпохи, как классическая литература и музыка. Пролеткультовский опыт «сбрасывания классиков с корабля современности» был повторен радикаль-

нейшим образом. Приснопамятное «Лебединое озеро» августа 1991 года оказалось на ведущих телеканалах последним спектаклем классического репертуара. На страну пошел мутный вал чернухи и похабщины, культивирования звериных инстинктов и пещерных суеверий, цинизма и мракобесия, бесконечного кривлянья эстрадных покемонов. «Каков народ, таковы и зрелища» – оправдывают свою политику телемагнаты. Но в лицемерном этом утверждении все поставлено с ног на голову. На самом деле потребитель дурноты неустанно взращивается и воспитывается все эти годы, населению упорно внушается: высокая культура не для него. Народ, как об этом говорил еще Конфуций, будет таким, какое у него культивируется искусство.

Даже растения и животные, как показали исследования ученых-биологов, не равнодушны к гармоничной музыке и предпочитают классику: при регулярном транслировании Моцарта и Чайковского у коров улучшается настроение, повышаются надои, а овощи и злаки растут быстрее. Но российских обывателей, видимо, считают ниже травы, примитивнее жвачных. Тоталитаризм телевидения и многих программ радио вылился в засилье одного откровенно пошло-го художественного вкуса, одного культурного типа, неприятного в общении и к тому же импортированного. С каждым годом набирает обороты «американизация» нашего культурного пространства, причем заполняется оно самыми худшими образцами, можно сказать, отбросами заокеанской куль-

туры. На месте госдепартамента США или хотя бы посольства в Москве я бы выразил решительный протест против злостного искажения образа их страны в сознании россиян, приводящего к настроениям антиамериканизма.

Однако наивно было бы объяснять изгнание искусства и литературы с поля масс-медиа только невоспитанностью и дурновкусием их хозяев. Проблема намного серьезнее — она заключается в глубоком, коренном антагонизме идеологии «первоначального накопления» и рынка с традициями большого искусства, национальной классики. Народолюбие русских писателей, их внимание к «маленькому человеку», сочувствие «униженным и оскорбленным» невозможно примирить с шоковой терапией и пропагандой лозунгов «больше наглости!», «возьми от жизни всё!», «мы этого достойны». Нас целенаправленно отлучают от национального культурного наследия, от созданного классиками великого духовного пространства, чтобы сделать манипулируемыми, легко поддающимися внушениям, не способными на протест и сопротивление. Человека, в соответствии с духовной традицией России, отзывчивого на «вселенские» вопросы, думающего категориями добра и зла, мировой справедливости, генерирующего новаторские научные и художественные идеи, хотят превратить в «прагматика», годного воспринимать лишь свою эгоистическую, примитивно понятую «пользу», интересоваться искусно препарированной для него телевизионной «политикой», довольствоваться бытовым ком-

фортом и грубыми развлечениями. С этой целью Достоевский и Толстой препарируются в комиксы, в театрах посредством «реинтерпретации» классические произведения превращаются в выставку физических и моральных уродов, извращенцев, патологических злодеев, а мысль и мораль авторов подменяются на прямо противоположные. Зрителям внушается: «Видите, всегда было так, и не существовало никогда другой России, только такая – грязная, жестокая, подавленная злом». Культуру заставляют капитулировать перед «современностью», играть в ее игры.

Отлучение людей от культуры, от освоенного предками духовного пространства процесс даже более опасный, чем отстранение от собственности или бесплатного здравоохранения. Если человек, как и народ в целом, сохранил «душу живую», он еще может вернуть собственность, даже утраченные территории, заново накопить богатства. Восстановить же порушенные духовные традиции, поруганные святыни, нравственные ориентиры, свою национальную идентичность представляется делом почти безнадежным.

О том, что люди не желают примириться с отведенной им ролью быдла, потребителей псевдокультурной баланды, свидетельствуют многочисленные протесты против насилия и пошлости телевизионных программ, их развращающего и отупляющего влияния на молодежь. Но этих протестов не слышат. Или объясняют, нередко на самом высоком уровне, что подобный товар пользуется спросом зрителей, от по-

пулярности передач зависят рейтинги телеканалов, а от рейтингов в свою очередь – объем привлеченной рекламы. Так что, мол, ничего не поделаешь – рынок диктует! Прибыли телемагнатов оказываются предпочтительнее духовного здоровья нации.

Но как не втирают наш народ в грязь, он все еще остается нравственное власти и так называемой элиты. Он ищет свои, может быть, наивные способы со средствами массового разложения. Народ как бы уходит во внутреннюю оппозицию. Он перестает читать газеты, ходить в кинозалы, смотреть телевизор. Хотя, по правде сказать, и это не выход. Почему мы должны сдавать позицию за позицией и оставлять не желающим нас знать и с нами считаться хозяевам жизни столь мощное средство воздействия на души, как уже оставили им в повсеместно покинутых старшими поколениями кинозалах «важнейшее из искусств». Одним и тем же факелом можно осветить дорогу, а можно поджечь дом. Телевидение с его беспредельными техническими возможностями способно и будет служить правде и добру, красоте и доблести, работать на будущее России, спланировать и развивать общество, если только сумеет вырвать его из лап экспроприаторов, прикрывающих корпоративные интересы и своекорыстие пресловутыми рейтингами.

Но что такое эти рейтинги, эти священные фетиши, и кто их определяет? Скажем, вас, читатель, или ваших знакомых, хоть единожды спросили, какие телеканалы и передачи вам

хотелось бы видеть? Нет? Вот и моим мнением тоже никто пока не поинтересовался. А мы-то простодушно думаем: если у некой передачи называется рейтинг в 10 процентов, значит, её смотрела десятая часть зрителей – в Воронеже сто тысяч, а в Москве аж миллион человек. Но как же сумели пересчитать? Оказывается, все проще: ТВ-рейтинги составляются в столице анонимными постоянными экспертами с помощью телеметров (между собой телевизионщики называют их пиплметрами), специальных приборов, подключенных к телевизору. Прибор фиксирует, что именно смотрят в данный момент и кто именно смотрит. Отбор экспертов, в чьих квартирах установлены пиплметры, ведет специальная всемирная организация «Гэллуп Медиа». На весь десятимиллионный мегаполис всего 550 пиплметров. Эти 550 семей постоянны, им гарантируется анонимность, имена их держатся в тайне. За согласие поставить у себя дома прибор и работать с ним (фиксировать все включения-выключения телевизора, переключения каналов) дарят дорогие подарки. Год за годом награды за правильное поведение все дороже. Если люди перестанут включать прибор, у них его отберут. Значит, они смотрят не как зрители, а как наемники. Их вкус все более опускается, их естественное восприятие нарушено.

Привычка смотреть гадость становится потребностью и оборачивается спросом на гадости. Человек, согласившийся за мзду на тотальный внешний контроль своего поведения и своего образа мыслей, становится проводником то-

тального же влияния телевидения на общество. А глубоко-мысленные специалисты (за ними и легкомысленные журна-листы), и боссы главных каналов затем в оправдание своей политики ссылаются на то, что «народ предпочитает», «зри-тели любят» (между собой-то они обычно говорят проще – «пипл хаает»), не разглашая главного профессионального секрета – что их козырный аргумент, рейтинг, есть произ-водное 550 людей-приборов. Но дело даже не в числе экспер-тов, важнее их душевные качества. Откровенно говоря, толь-ко бездельники и психически неполноценные могут по де-сять и более часов в день таращиться в ящик. И можно ли оставаться нормальным, если ежедневно смотришь и слуша-ешь психов, дураков, моральных уродов? И этим маргина-лам, «подпольным людям» доверяют формировать телепро-грамму страны, определять вкусы, воспитывать наших детей, программировать будущее. Вот откуда подспудное отвраще-ние большинства: на экране – чужой выбор.

Телевидение, подобно Франкенштейну, уже вышло из-под всякого контроля общества, начало само диктовать, осо-бенно молодым, модели поведения, поведения, угрожающе-го уже не только социальной и духовной «архаике», остав-шейся с советских времен, не только христианским запове-дям, но и самим либеральным ценностям, ради утвержде-ния которых собственно и начинали огород городить (прав-да, по остроумному замечанию Юрия Полякова, то, что на-городила у нас команда «младореформаторов», имеет с ли-

берализмом общего не больше, чем садомазохизм с садоводством). Это встревожило людей даже и либеральной ориентации.

Писатель Даниил Гранин: «Иногда кажется, что наше телевидение – это заговор с целью превратить народ в зомбированную массу, у которой нет никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы. Я не люблю слово „заговор“, оно возвращает нас куда-то, но все происходящее заставляет об этом думать. Слишком единодушны все телевизионные каналы. Слишком единодушны все газеты».

Петербургский писатель Александр Мелихов: «Если это заговор, то более саморазрушительного заговора в истории человечества еще не было. Любой Нерон, любой Калигула, как бы он сам ни предавался разврату, все-таки понимал, что солдаты на границах должны быть храбрыми, готовыми рисковать жизнью во имя родины, – думаю, солдат и тогда не хотели развращать намеренно. Власть, которая подрывает основы собственного существования, развращая тех, на ком и покоится сила государства, – такого в истории, кажется, еще не бывало».

Бывший уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин: «Надо сказать еще об одной причине размаха коррупции, о ее новой форме – „попсово-интеллектуальной“. Это не мелко и не смешно, так как речь идет о создании почвы для ослабления воли граждан к защите своих конституционных прав, нарушаемых в коррупционном государ-

стве. Я огорчаюсь пассивностью людей. Но у нее есть свое объяснение... Круглосуточно идут непрерывные тупые хотушки, аншлаги, низкопробные жестокие фильмы и прочие поделки. Делается это сознательно. Это не проблема недосмотра начальства. Это создание сознательных структурных отношений между народом и властью. Это очередной опиум. Как будто накурившиеся опиумом люди – хороший материал для стабильного общества. Совсем наоборот».

На Западе давно осознали опасность телевизионного диктата для демократического устройства общества и его нравственного здоровья. Известный французский социолог Пьер Бурдьё в книге «О телевидении и журналистике» пишет: «Через рейтинговый механизм оказывается экономическое давление на телевидение, а через него на все остальные СМИ, даже на самые „независимые“ из них, и на журналистов, постепенно позволяющих навязать себе телевизионную проблематику. Точно так же влияние журналистского поля в целом оказывает на все другие поля производства культурной продукции». В конечном счёте, это экономическое давление переходит в откровенный нажим на свободу слова, мысли и творчества. «Доступ на телевидение связан с сильной цензурой, с потерей независимости из-за того, что сюжет разговора определяется другими, – пишет Бурдьё. – Люди в студии сами подвергают себя сознательной или неосознанной цензуре, поэтому нет никакой необходимости призывать их к порядку. Они тем лучше манипулируют, чем больше

сами манипулируемы и чем меньше отдают себе в этом отчет...».

Между тем в странах Европы опробован и довольно успешно действует механизм общественного контроля за содержанием телепрограмм, частный коммерческий интерес здесь научились сочетать с национальными интересами, с требованиями благоразумия и нравственности. У нас же не только на ТВ, но и в кинематографии, в театре и на эстраде, в книгоиздательстве только нарастает прессинг «продюсерской цензуры», цензуры денег.

– Это страшней, чем всякие преследования и запреты. Начальника, цензора можно было иногда обойти, обмануть, можно было найти другой способ высказаться; а деньги – это такой цензор, которого не обойдешь и не обманешь, – говорит культуролог Валентин Непомнящий.

При этом режиссеры политических и культовых массовок, заказчики тотального дурмана продолжают твердить о толерантности, то есть терпимости к иным взглядам и вкусам. Однако их толерантность на удивление избирательна: терпимые и поощрительные ко всем видам пороков и уродств человеческих, они на дух не переносят добродетели, твердых, осмысленных принципов, религиозного и даже просто граждански ответственного взгляда на жизнь.

Деструктивно-смутные времена хоть и бывают затяжными, но не окончательными. Кажется, и сегодняшний шабаш начинает надоедать обществу и раздражать власть иму-

щих. Являются признаки, пусть ещё слабые и нерешительные, что в правящих структурах вызревает некая сознательная сила, способная укоротить стаю телебесов, продюсеров разврата, издателей пошлости, дать возможность пробиться к читателям и зрителям авторам думающим, патриотично настроенным, откликающимся на сложную и неоднозначную современность. Чуда ждать, наверное, не приходится, но воздух явно свежеет. Если бы в верхах смогли признать создавшуюся в российской культуре ситуацию уродливой, несовместимой с русскими традициями, а дальнейшую её коммерциализацию опасной для общества, то современная литература, книгоиздание, театр, кинематография и, конечно же, телевидение стали бы со временем заботой государства, а не нынешних рыночников, ничего не желающих знать кроме прибыли. Такая культурная политика была бы способна в известной мере изменить в лучшую сторону саму картину общества, его политических настроений, укрепить государственные скрепы. Но именно поэтому процессу оздоровления культуры противостоят и будут противостоят серьёзные внутренние и внешние силы.

...На вопрос «Нужна ли стране нравственная цензура?» отвечаю встречным вопросом: «А как по-вашему – нужен ли человеку иммунитет?».

С точки зрения холерных бактерий, конечно, не нужен. И даже опасен. Но организм-то борется с болезнью. И не перестанет до последней минуты дыхания.

Стали ли мы жить не по лжи? Юбилей А. И. Солженицына напомнил о встречах с великим русским писателем и о преподанных им уроках

27 мая 1994 года авиалайнером из Анкориджа, приземлившимся в аэропорту Магадана, после двадцати лет изгнания вернулся в Отечество Солженицын, один из самых значительных русских писателей XX века. Его высылали на Запад – а он замыслил возвратиться с востока. Александр Исеевич не спешил – целых 55 дней длилась дорога из Владивостока в Москву со всеми многочисленными остановками и встречами в попутных городах и селах. Писатель как будто не мог надышаться воздухом России, наговориться с людьми, набраться впечатлений. Пять недель на устройство и отдых в Москве – и снова в путь, теперь на родной ему юг, в Ставрополье, Ростов-на-Дону. Оттуда Солженицын заехал на пару дней в Воронеж.

В гости приезжают к родным и друзьям. И хотя раньше Солженицыну, по его словам, доводилось бывать в Воронеже только проездом, но и здесь нашлись люди, поддерживавшие писателя в годы гонений и травли. Они и встреча-

ли Александра Исаевича ранним утром 4 октября на железнодорожном вокзале. Один из них – поэт Владимир Гордейчев, не побоявшийся послать в конце 60-х годов автору «Ивана Денисовича» слова уважения и поддержки. Тогда его поступок стоил Владимиру Григорьевичу должности ответственного секретаря областной писательской организации. Пришел на вокзал и пожилой, убеленный сединами человек – Дмитрий Федорович Кулаков, товарищ Солженицына по «шарашке», описанной в романе «В круге первом».

В тот же день Солженицын был приглашен в мэрию Воронежа. Мы с женой тоже решили пойти. Началось с курьёза. Только вошли в вестибюль администрации города, как стоявшие там служащие с каким-то торжественным вниманием уставились на нас, начали поправлять галстуки, а одетые в парадное милиционеры стали по стойке «смирно». И уж совсем удивительное. Сам мэр Анатолий Гольц метнулся навстречу и, крепко взяв меня под руку, запел на ухо:

– С приездом! Так ждали, так ждали! Все в сборе! Вот сюда, пройдемте. Ступеньки!

Что за притча! Откуда такое внимание к скромному журналисту?

Так, под ручку поднялись до второго этажа, пока я, наконец, обо всем догадавшись, не прервал любезного мэра:

– Извините, но вы, похоже, не за того меня принимаете.

– Да за кого же еще? Так ждали! А впрочем, постойте...

Гольц отстранился от меня и, глянув с расстояния, вскри-

чал:

– Что за черт! Так вы не?.. И точно ведь, извините, обознался, вы и моложе...

– Да вон он стоит, встречайте же наконец! – показал я мэру рукой вниз, на сиротливо стоявшего у двери с портфельчиком Александра Исаевича.

Так обманула главу города моя густая и тёмная в ту пору борода, действительно придававшая некоторое сходство с Солженицыным. Ну а жена, стало быть, сошла за Наталью Дмитриевну. Из-за бороды в те дни и на улице некоторые обознавались, подходили знакомиться, а один интеллигентный воронежец приглашал в гости. Впрочем, радоваться тут особенно было нечему: все же Александр Исаевич почти на тридцать лет меня старше. Но выглядел он в свои 75 лет вполне бодро, даже, я бы сказал, молодцевато, ничего стариковского ни в фигуре, ни в походке, ни в манере говорить у него тогда не было, что, несомненно, шло от духовной силы, внутренней свободы и независимости. Так должны выглядеть люди, поправшие смерть, насилие, достигшие высот человеческой мудрости, получившие право учить людей не от власти, а от собственного опыта жизни.

– Ваш город центральный в России, очень своеобразный, можно сказать, узловый, – говорил Солженицын в мэрии. – И мне важно узнать, что тут у вас происходит, какие у людей настроения.

Приглашенные городские чиновники выступали в при-

вычном жанре отчетов перед начальством: всё хорошее объясняли своим персональным усердием, неудачи и трудности сваливали на «отсутствие законов и общее неустройство». Александр Исаевич хмурился, но старательно строчил что-то в блокноте.

На другой день состоялась встреча с жителями города. Солженицын поставил условие: пускать всех, без всяких ограничений. Огромный зал был полон. Писателя встретили аплодисментами. А вот между собой штатные активисты не терпящих друг друга течений не смогли поладить и на вечере: захлопывали выступающих, кричали, шумели. Дошло до драки на сцене у микрофона. Александру Исаевичу пришлось вставать и растаскивать сцепившихся двух ораторов, как, наверное, в лагере, бывало, разнимал подравшихся зэков.

– Вот пример того, как мы распустились за семьдесят лет, – сказал с укоризной писатель. – Давайте же слушать и стараться понимать друг друга, чувствовать себя соотечественниками.

Немало горьких и справедливых слов сказал он в заключительной речи о нравственном состоянии нашего общества, о том, что мешает подлинному духовному и экономическому возрождению страны. Для того, чтобы понять суть воронежского выступления Солженицына, следует вспомнить атмосферу того времени, наэлектризованного острейшими политическими и идейными схватками, разрядами столк-

нувшихся друг с другом социально-экономических систем – старой и нарождавшейся новой, глухим недовольством народа начинавшимся криминально-олигархическим произволом, «прихватизацией» всего и вся, в том числе и самой «демократической» власти.

Возвращение Солженицына стало для ельцинского окружения нелегким испытанием. Писатель поставил несколько принципиальных условий. Он приедет – но не раньше, чем «Архипелаг ГУЛАГ» будет напечатан массовым тиражом. Он приедет – но прежде окончит «Красное Колесо», работу всей жизни, то есть «живо и бережно уберет свой урожай». Он приедет – но прежде с него должны публично снять позорное обвинение в измене.

«Солженицын показал пример несуетного поведения в момент наивысшего общественного нетерпения, и потому его физическое возвращение домой пришлось как раз вовремя: остыла горячка ожидания („приедет“, „возглавит“, „рассудит“), осталось позади опьянение гласностью, рассеялся псевдомодемократический туман. На смену романтической, хмельной эпохе пришли продажность и цинизм. Самое время, чтобы заговорить о национальном самосознании, исторической памяти, моральной ответственности; самое время, чтобы начать кропотливую работу», – пишет Людмила Сараскина, автор наиболее основательной биографии нобелевского лауреата.

Однако не о «национальном самосознании» думалось но-

вым хозяевам жизни, всякое напоминание о «моральной ответственности» было им как острый нож к горлу. Сама перспектива присутствия в стране писателя, призывавшего «Жить не по лжи!», многим отравляло существование. «Жить не по Солженицыну!» – такой «альтернативный» девиз накануне приезда писателя бросила в массы одна из столичных газет, выразив тем самым жажду «новых русских» действовать и дальше без оглядок на мораль, с правом на бесчестье, так, чтобы вокруг никто и ничто не посмело колоть глаза.

«Является в Россию безнадежно устаревший протопоп Аввакум, вермонтский Вольтер! А кому он, в сущности, нужен? Время Солженицына прошло. В нафталин его! И на покой». Подобное яростное шипение либеральных СМИ не один раз придется услышать Солженицыну в первый год своего возвращения. Самые известные перья заявляли публично, что ни в коем случае не станут ни единомышленниками, ни соратниками, ни придворными Солженицына. Ждали и боялись, что явится стране подлинно моральный авторитет, действительно совесть нации, обнаружив тем самым духовное и идейное убожество партии власти. И еще неизвестно, какое знамя подымет, какую партию создаст и возглавит, с кем пойдет на выборы или даст выдвинуть себя – подобные гадания стали привычными для журналистов и политических аналитиков. Нашелся такой из них, что возмутился даже средством передвижения: «В Россию

нельзя возвращаться на самолете или на поезде. Если уж Солженицын взвалил на себя ношу пророка, надо было возвращаться пешком».

Разумеется, раздавались и другие голоса – лучших людей России. «Как будет выглядеть на фоне бойко тусующихся „пародистов действительности“ огромный человек, который перерос литературу и сам стал героической действительностью XX века?» (Евгений Евтушенко). «Приезд Солженицына – настоящий праздник для всех нас. Сам он, его жизнь и то, что он приезжает, – настоящее Чудо Божье» (Иннокентий Смоктуновский). «Счастлив, что мое преображающееся Отечество может вернуть народу своего великого изгнанника. Думаю, что Александру Исаевичу будет у нас интересно...» (Марк Захаров). «Он возвращается ни к правым, ни к левым, а в Россию. И думаю, что он употребит свой огромный мировой авторитет на поддержку России национальной и самостоятельной» (Валентин Распутин).

Однако новостные телепрограммы держали страну на голодном пайке – мы не видели ни встреч, ни пресс-конференций. Секундные включения, невнятные сообщения – и предвзятые комментарии ведущих: «Есть ли повод для ажиотажа? Приезжает пожилой человек, книги которого лежат в магазинах и большим спросом не пользуются». «В Россию возвращается русский националист», – встревожено объявили «Итоги».

Следуя по Транссибу, Александр Солженицын выступал

в особом, «вечевом», по слову Бориса Можаяева, жанре. 55 дней он обращался к людям с просьбой выйти и сказать о главном – что нужно сделать для возрождения страны, для улучшения их жизни. Обычно выступало человек пятнадцать-двадцать. И только потом слово брал сам писатель. Постепенно втягиваясь в проблемы, он все более загорался, говорил образно, горячо. Мигом пролетали два-три часа захватывающего действия. «По сравнению с ними заседания нашей думы – жалкий и скучный лепет младенцев», – писал один из сопровождавших Солженицына журналистов.

Очевидцы и участники общения Александра Исаевича в российской провинции свидетельствовали об обоюдном дружелюбии встреч, о многих тысячах людей, приходивших услышать слово писателя. Ему жаловались, его упрекали, его побуждали выступать, от него требовали объяснений, но все происходившее было подлинным, от души, без глума и зубокальства. Русская провинция оказалась той самой аудиторией, с которой можно было говорить на одном языке. Солженицын назвал его языком боли.

«Что слышно об Александре Исаевиче?» – такой вопрос, говорят, Ельцин задавал каждое утро. И однажды добавил: «Солженицын будет на нашей стороне, он мощное оружие». Но первые же шаги писателя по русской земле поставили президента в тупик.

Патриот и антикоммунист, Солженицын говорил правду без оглядки на власть и оппозицию, называл режим «мни-

мой демократией», ставил тяжелейший диагноз: «Россия сегодня в большой, многосторонней беде. Стон стоит. Деревня работает бесплатно. Крестьянство по-прежнему во власти колхозно-совхозного начальства. Сельское хозяйство может иссякнуть. Врачи и учителя работают уже по инерции долга. 63% населения или бедны, или нищие. Людям не во что одеться, ходят в старом запасе. Двух буханок хлеба в день уже не купить, нельзя поехать к родным даже на похороны. Позвонить в другой город, другую республику – месячный заработок. Рождение ребенка – подвиг, почти безрассудство. Вымирают люди среднего возраста, людей низа выбросили из жизни. Москва отвернулась от России». На встрече в Москве: «Народ у нас сейчас не хозяин своей судьбы. А поэтому мы не можем говорить, что у нас демократия. У нас нет демократии. Демократия – не игра политических партий, а народ – не материал для избирательных кампаний».

1994-й, напомню, был первым годом, когда страна жила по новой Конституции, когда президент победил всех своих врагов, и ему уже не мешал Верховный совет. Но радости от того у населения не прибавилось: шла нахальная «прихватизация», отстранившая народ от созданной им собственности, порождавшая олигархию, финансовые пирамиды, залоговые аукционы, жуликов неслыханно крупных размеров, захваты и переделы, заказные убийства и прочие отличительные признаки дичайшего капитализма. Под хохот и улюлюканье победителей и их политической и журнально-эстрад-

ной obsługi страна катилась к неведомой бездне, а Солженицын, способный видеть дальше и глубже, начал писать книгу «Россия в обвале».

И на юге России, куда Александр Исаевич отправился с женой после непродолжительного обустройства в Москве, и позже у нас в Воронеже, он продолжал «секретарствовать», то есть слушать людей и записывать их вопросы. «Я сейчас объезжаю страну, чтобы лучше понять ее общие и местные проблемы, потому прошу вас поднимать вопросы не личного, но общего значения, имеющие интерес для всей России», – говорил Солженицын. Зал поначалу терялся, повисало тягостное молчание, затем публика понемногу освобождалась от скованности и тянулась к микрофонам. «Я не раз повторял и продолжаю повторять: в возрождение России я верю, и произойдет оно тогда, когда сорок самых крупных старинных городов России будут иметь такой же культурный потенциал, как Москва», – говорил он.

В вестибюле воронежской гостиницы «Дон» Солженицын устроил общественную приемную, где несколько часов принимал людей с просьбами, бедами, вел душевные разговоры о будущем и насущном. Каждый день выслушивал по 25—30 человек. Как не похожи были его встречи на модные в годы перестройки поездки «прогрессивных писателей» к простому народу или на «концерты» популярных экономистов в лучших залах столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.